

УДК 821.161.1

Е.О. Козатова
Курганский государственный университет,
Курган

ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ И АНТИГЕРОЯ В ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЗАПОВЕДНИК»

Аннотация. *Сергей Довлатов – писатель «третьей волны» литературной эмиграции. В его творчестве нашли отражение неприятие существующей системы ценностей, навязанной государственной властью и стремление к комическому восприятию действительности. Герой Довлатова – обычный человек, со своими недостатками и достоинствами. Он порочен, как порочно всё общество. Но у него есть единственная опора – творчество. В нём герой ищет защиты и спасения.*

Ключевые слова: герой, антигерой, маргинал, личностные оппозиции, добро – зло, аксиология, система ценностей.

Е.О. Kogatova
Kurgan State University, Kurgan

THE PROBLEM OF HERO AND ANTI- HERO IN THE STORY OF S. DOVLATOV «ZAPOVEDNIK».

Abstract. *Sergei Dovlatov is a writer of the «third wave» of literary emigration. In his work there is a reflection of the non-acceptance of the existing system of values imposed by state power and a drive for a comic perception of reality. The hero of Dovlatov is an ordinary man with his shortcomings and virtues. He is vicious, so is the whole society. But he has the only support – creativity. In it the hero seeks protection and salvation.*

Key words: hero, anti-hero, marginal, personal opposition, good – evil, axiology, value system.

Сергей Довлатов (1941-1990) – один из ярких писателей второй половины XX века, ему свойственны стремление к ироническому восприятию действительности и вера в «улыбку разума». Парадокс его прозы в том, что в произведениях нет дидактической составляющей. В рассказах и повестях Довлатова нет святых и злодеев, но есть живые люди, такие, как он сам, его соседи, родственники и коллеги.

Одна из центральных оппозиций в художественной литературе – соотношение образов героя и антигероя. Классическая русская художественная литература совмещает в себе эти образы в так называемом типе «лишних» людей (Чацкий, Онегин, Печорин, Рудин и т. д.). В этих типах герой сливается с антигероем (со своим антагонистом), причем антигерой выходит на первый план. С. Довлатов продолжает эту традицию, но происходит качественная трансформация образа. У антигероя Довлатова просматриваются черты героя. Границы добра он определяет исследованием зла, через зло познает добро (русская фольклорная традиция).

Книги Довлатова не документальны, однако писатель формировал «ощущение реальности», постоянной узнаваемости изображенных событий, поэтому созданный им жанр сам автор называл «псевдодокументалистикой». В своих произведениях Довлатов точно передает образ жизни и мировосприятие своего поколения, обстановку случайных и сумбурных бесед на питерских и московских кухнях, нелепость советского официоза, а позже – мытарства советских эмигрантов. Система ценностей автора неотделима от системы ценностей его главного героя, который всегда автобиографичен, так как ему присущи черты самого писателя. В основе произведений Довлатова – события его жизни. Например, в повести «Заповедник» отражен опыт работы экскурсоводом в музее-заповеднике А.С. Пушкина в Псковской области.

Пушкинский заповедник – это государство в миниатюре, в нём существуют уже установленные кем-то раз и навсегда правила, которые ни при каких обстоятельствах нельзя нарушить. Однако, по мнению Бориса Алиханова, главного героя повести, существуют явления, которые нельзя уместить в определенные рамки. К их числу относится литературное творчество, оно выше нравственности, к нему не могут быть применимы категории добра и зла. Занятие литературой – это единственное, что ценно само по себе, и именно к нему должны быть направлены все силы и средства: «Иди работать грузчиком, пиши ночами. Мандельштам говорил, люди сохраняют все, что им нужно. Вот и пиши... У тебя есть к этому способности – могло и не быть. Пиши, создай шедевр. Вызови душевное потрясение у читателя. У одного-единственного живого человека... Задача на всю жизнь» [2, с. 22].

Автопсихологический герой Довлатова ищет свое место в современном ему обществе 60-70-х годов XX века. Путём поиска герой избирает уход в мир псевдоюродства, шутовства, потому что такой путь позволяет ему сохранить объективность и целостность собственного Я. Система же оказывается сильнее, она чувствует опасность «внесистемных» мыслей героя, и в целях самозащиты вытесняет его на социальное дно. Общество стигматизирует героя, наклеивая на него ярлыки алко-

голика, тунеядца, деграданта, маргинала. Главный герой повести выступает в роли своеобразного «трикстера» – «демонически-комического дублёра культурного героя, наделённого чертами плута, озорника» [3, с. 438]. В отличие от традиционных трикстеров в литературе (О. Бендер – И. Ильфа и Е. Петрова, Коровьев – М. Булгакова, Гекльберри Финн – М. Твена), у Бориса Алиханова есть высокие нравственные идеалы (Пушкин) и ценности, главной из которых является слово. Герой высмеивает разнообразные шаблоны – политические, идеологические, литературные. Он издевается также над ожиданиями «наивного» читателя, над его стереотипами мышления. Довлатовский автопсихологический герой сохраняет свой моральный и нравственный облик за счет своей любви к классикам литературы и её образцам. Для Бориса Алиханова Пушкин является своеобразным мерилом по которому нужно сверять свою жизнь. Но что же происходит в заповеднике? Кругом обман и фальшь. Подлинные музейные экспонаты заменяются подделками, подлинные эмоции и чувства – штампами, реальные события – легендами, истинные ценности – мнимыми. Именно поэтому, вопрос: «За что вы любите Пушкина?» – не требует искреннего ответа, личное отношение к поэту никого не интересует, ведь уже существует вполне определенный ответ: «Пушкин – наша гордость! <...> Это не только великий поэт, но и великий гражданин... По-видимому, это и был заведомо готовый ответ на ее дурацкий вопрос» [2, с. 30].

Автор, доверяя автопсихологическому герою многие свои мысли и чувства, в то же время потешается созданной им маской. Сергей Довлатов вводит в структуру текста игровой момент, который позволяет одновременно серьезно и несерьезно относиться к его «фокусам». Уважение к писателям-классикам нередко бывает выражено в серьезной или полушутливой форме [1]. Например, главный герой повести убежден: «Пушкин – наш запоздалый Ренессанс. <...> Он и Гете жили как бы в нескольких эпохах. «Вертер» – дань сентиментализму. «Кавказский пленник» – типично байроническая вещь. Но «Фауст», допустим, это уже елизаветинцы. А «Маленькие трагедии» естественно продолжают один из жанров Ренессанса. Такова же и лирика Пушкина» [2, с. 30]. Неуважение к невежеству проявляется в том, что писатель смеется над малокультурными людьми, не приобщенными к сокровищам отечественной и мировой словесности [1]. Например, в пушкинском заповеднике автор иронизирует над туристами: «Кавказцы ведут себя иначе. Они вообще не слушают. Беседуют между собой и хохочут. По дороге в Тригорское любовно смотрят на овец. Очевидно, различают в них потенциальный шашлык. Если задают вопросы, то совершенно неожиданные. Например: «Иза за чего была дуэль у Пушкина с Лермонтовым?»» [2, с. 48].

Довлатов четко разграничивает искреннюю любовь к классикам литературы и насильствен-

ное, «обязательное» почитание. Например, на уже упомянутый выше вопрос: «За что вы любите Пушкина?», Борис Алиханов заявляет: «Любить публично – скотство!» [2, с. 30]. Автопсихологический герой иронизирует над работниками и хранителями заповедника: «– Нужно как следует подготовиться. Простудировать методичку. В жизни Пушкина еще так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года... – В жизни Пушкина? – удивился я» [2, с. 15]. Негативно относится к попыткам создания культа классика: «На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами» [2, с. 26].

В эпоху Застоя личные интересы людей начинали превалировать над интересами государства. В своих произведениях С. Довлатов отмечал полную смену культурной парадигмы в СССР. Писатель зафиксировал переход от идеи приоритета государственного интереса над личным к приоритету личного над государственным, от общества созидания к обществу потребления. Для понимания существующей пропасти между главным и второстепенными героями Довлатова важнейшим является противопоставление и взаимодействие категорий «свое» – «чужое», «добро» – «зло», которые образуют бинарные оппозиции. Эти оппозиции подразумевают различия между двумя семиотическими мирами, каждый из которых воспринимается причастным к нему лицом как единственно правильный, а «чужаком» – как нелепый, абсурдный.

Отсюда самой главной личностной оппозицией является оппозиция «добра и зла». У героя Довлатова критерием «своего» выступает занятие литературой, а критерием «чужого» – официальная идеологизированная система ценностей. Свои ценностные приоритеты автор выстроил следующим образом: «Единственная честная дорога – это путь ошибок, разочарований и надежд. Жизнь есть выявление собственным опытом границ добра и зла. Других путей не существует» [2, с. 106].

Самым болезненным ощущением, связанным с тем временем, было ощущение абсурда, когда «сумасшествие» считалось нормой. Например, в «Заповеднике» можно прочитать такие строки: «Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда» [2, с. 146]. Герои Довлатова непредсказуемы, их поведение отклоняется от нормы и выламывается из «системы». Они не просто не могут, а не желают приспособливаться к новой жизни, принимать другую, чуждую их мировоззрению систему ценностей. И зачастую довлатовский герой сознательно разыгрывает из себя «дурачка», так как требования системы, законы официальной семиосферы настолько абсурдны, что единственный выход автопсихологический герой видит в уходе в юродство, имитируя «непонимание» пер-

сонажем установленных в стране «правил игры» [1]. Дальнейшие перипетии судьбы как автора, так и его героя можно проследить в других произведениях С. Довлатова.

Эпоха, в которой творил и которую описывал С. Довлатов, актуализовала формат личности с чертами, уходящими своими корнями в народную культуру. Проблема «негероического» героя, которую обозначил еще Гоголь, получила в творчестве Довлатова продуктивное развитие. Маргинальные герои С. Довлатова впитали в себя многие черты дурака, юродивого, шута, причудливо совместив в себе фольклорную и литературную линии.

Одна из ведущих черт данного типа – социальная отверженность, изгойничество.

Окружающие (особенно представители официальной идеологии) относятся к поведению «аутсайдеров» с недоумением и подозрительностью. Их восприятие такой модели поведения балансирует на грани между представлениями о речевых и поведенческих практиках дурака, с одной стороны, и шута – с другой. Иначе говоря, персонажи, вступающие в контакт с автобиографическим героем Довлатова, никак не могут решить, кто перед ними: недотепа, не понимающий прописных истин (простых для привыкшего к ним советского человека, но замысловатых с точки зрения нормальной логики), либо умный и проницательный шут, сознательно сориентированный на то, чтобы поиздеваться, поиронизировать над идеологемами современного писателю общества. Шутки автопсихологического персонажа тоже не встречают поддержки: «С вами невозможно разговаривать!» [2, с. 10] – произносит девушка-экскурсовод по имени Аврора. А хранительница музея «Пушкинские горы» Виктория Альбертовна реагирует на слова героя еще резче: «Шутки здесь абсолютно неуместны» [2, с. 41].

Довлатов дифференцирует аутсайдеров на два типа. Первый – социально не адаптированные интеллигенты. К данному подтипу можно отнести и автопсихологического героя-рассказчика. От деградации их спасает любовь к искусству, способность творить. Примером этому служат мысли Бориса Алиханова: «Я давно убедился: стоит задуматься, и тотчас вспоминаешь что-нибудь грустное. Например, последний разговор с женой...

– Даже твоя любовь к словам, безумная, нездоровая, патологическая любовь, – фальшива. Это – лишь попытка оправдания жизни, которую ты ведешь. А ведешь ты образ жизни знаменитого литератора, не имея для этого самых минимальных предпосылок... С твоими пороками нужно быть как минимум Хемингуэем...» [2, с. 11].

«– Ты хочешь написать великую книгу? Это удастся одному из сотни миллионов!

– Ну и что? В духовном отношении такая неудавшаяся попытка равна самой великой книге. Если хочешь, нравственно она даже выше. Поскольку исключает вознаграждение...

– Это слова. Бесконечные красивые слова...
Надоело...» [2, с. 12].

Второй подтип аномичных людей – «всякий сброд», по выражению писателя. Они являются носителями примитивного типа мышления и, маргинальны, так сказать, по определению. У Михал Иваныча, Валерия Маркова отсутствуют подлинная любовь к высокому искусству и способность творить. Несформированность четкой системы ценностей определяет для них один исход – пьянство и моральное разложение.

В заключении, можно сделать вывод, что автотопсихологический герой С. Довлатова соединяет в себе черты героя и антигероя, с превалированием антигеройского, но в новом для художественной литературы ключе. Довлатов создает новый тип героя – «элитного маргинала». Довлатовский «элитный маргинал» – не отрицательный персонаж, а антагонист существующей в современном ему государстве деструктивной системы ценностей, прячущийся на социальном дне.

Таким образом, в повести С. Довлатова «Заповедник» антигерой начинает трансформацию в героя. Но автор не смог довести эту трансформацию до логического конца, косность советского общества и государства не давала такой возможности. Как мы знаем на примере судьбы автора и некоторых других писателей, не стала спасением и эмиграция за рубеж.

Список литературы

- 1 Орлова Н. А. *Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма* : автореф. дис. – Майкоп, 2010. URL: <http://refdt.ru/docs/82/index-26427.html> (дата обращения 01.02.18).
- 2 Довлатов С. *Заповедник: повесть*. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 160 с.
- 3 *Мифологический словарь* / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 672.

References

- 1 Orlova N. A. *Poetika komicheskogo v proze S. Dovlatova: semioticheskie mekhanizmy i folklornaya paradigma. Avtoreferat dissertacii. Maikop, 2010* [Elektronnyi resurs]. URL: <http://refdt.ru/docs/82/index-26427.html> (data obrasheniya 01.02.18).
- 2 Dovlatov S. *Zapovednik: povest/ Sergey Dovlatov – Spb.:* Azbuka, Azbuka-Attikus, 2015. – 160 s.
- 3 *Mifologicheskii slovar/ Gl. red. E.M. Meletinskii. – M.:* Sovetskaya entsyklopediya, 1990. – 672.